Научная статья / Research Article
УДК 930+821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-459-468
https://elibrary.ru/GKMPDM

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

А.Б. Страхов

ОБРАЗ М.В. СКОПИНА-ШУЙСКОГО В ОФИЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОГО ЦАРСТВА XVII в. (историко-политологический аспект)

Аннотация: Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1586–1610), замечательный полководец времен Смуты, был ее «единственным безупречным героем» (О.А. Туфанова), что нашло отражение в исторических документах, публицистике и даже народном творчестве XVII в. Закономерно, что героический образ был использован первыми Романовыми в своих целях, однако содержание его менялось в зависимости от текущего политического момента. На основе анализа Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском, Хронографа 1617 г., Иного сказания, Нового летописца, Сказания о царях и великих князьях и др. делается вывод о том, что образ князя постепенно превращается из фигуры смелого полководца в инструмент для утверждения первыми Романовыми нелегитимности правления царя Василия Шуйского. В дальнейшем, когда легитимность самих Романовых была утверждена окончательно, М.В. Скопин-Шуйский получает третьестепенную роль в исторических источниках или вовсе исчезает с их страниц.

Ключевые слова: духовно-политическая мысль, М.В. Скопин-Шуйский, историческая политика.

Alexander B. Strakhov

THE IMAGE OF M.V. SKOPIN-SHUISKY IN THE OFFICIAL HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN KINGDOM OF THE 17TH CENTURY (HISTORICAL AND POLITICAL ASPECT)

Abstract: The article examines the image of M.V. Skopin-Shuisky in the official historiography of Russian kingdom of the 17th century. Prince Mikhail Vasilyevich Skopin-Shuisky (1586–1610) was a remarkable commander of the time of the Troubles and was its "only impeccable hero" (O.A. Tufanova), which was reflected in historical documents, journalism and even folk art of the 17th century. Naturally, the heroic image was used by the first Romanovs for their own purposes, but its content changed depending on the current political moment. Based on the analysis of the Story about Prince Mikhail Vasilyevich Skopin-

Shuisky, the Chronograph of 1617, Another Legend, the New Chronicler, the Legend of Kings and Grand Dukes, etc. It is concluded that the image of prince is gradually turning from the figure of a brave commander into a tool for the first Romanovs to assert the illegitimacy of the reign of Tsar Vasily Shuisky. In the future, when the legitimacy of the Romanovs themselves was finally confirmed, M.V. Skopin-Shuisky gets a third-rate role in historical sources or disappears from their pages altogether.

Keywords: spiritual and political thought, M.V. Skopin-Shuisky, history politics.

Смутное время дало русской истории и русской книжности целую плеяду деятелей и героев, как положительных, так и отрицательных. В большинстве случаев оценки этих деятелей были неоднозначны, отражали политическую позицию автора или заказчика и зависели от конъюнктуры, однако один человек удостоился единодушного одобрения и стал «единственным безупречным героем» Смуты [4, с. 19] — это князь, военачальник М.В. Скопин-Шуйский (1586–1610). Удивительным образом Скопин-Шуйский удостоился доброй памяти и у современников, и у историков, и у народа. Поэтому логично предположить, что образ популярного, но преждевременно умершего князя в своей исторической политике могли использовать первые Романовы.

То, как Скопин-Шуйский воспринимался современным событиям книжниками, которые не имели прямого отношения к новой династии или не действовали по их заказу, исследовано довольно подробно. О.А. Туфанова отмечает: «По закону дуальности, в рамках которого в той или иной степени существует вся древнерусская словесность, на фоне преступного царя и преступного сообщества неизбежно должен был появиться герой, способный восстановить порядок, нарушенный дьявольским вмешательством и преступной волей людей» [5, с. 70]. Исследователи находят, что даже немногочисленные негативные поступки, как, например, бегство Скопина-Шуйского из Новгорода, находят у авторов XVII в. оправдание: «[Иван Тимофеев] видел в этом поступке трусость и стыд… но и в этом проступке видно, что автор пытался объяснить данное поведение Скопина библейским сюжетом» [1, с. 20]. Однако работ, посвященных тому, как описывала место Скопина-Шуйского в событиях Смутного времени официальная историография Романовых, фактически нет.

В то же время начать стоит не с официальных источников, к каковым можно отнести Хронограф 1617 г., «Иное сказание», «Новый летописец», «Сказание о царях и великих князьях» и др., а с «Писания о преставлении и погребении Михаила Скопина-Шуйского». «Писание» взято в качестве исходной точки по той причине, что оно является живым эмоциональным документом, написано «свидетелем этого события… внезапной смерти князя, который снискал в народе широкую популярность» [6, с. 36], с которым Романовым приходилось считаться. Более того, смерть Скопина-Шуйского становится под пером разных авторов едва ли не главным событием его биографии — можно предположить, что именно «Писание» задало этот формат.

В «Писании» Скопин-Шуйский предстает легитимным наследником русского престола, «понеже от единаго корени владѣющаго вселенную Августа, кесаря Римского, и от единыя православныя вѣры християнския началника, князя Владимера Киевскаго и всеа Русския земли и от единоя отрасли великаго князя Александра Ярославича Невскаго раздѣления вѣтви» [9, с. 134]. Помимо происхождения, Скопин-Шуйский обладает всеми атрибутами православного русского царя — воинской доблестью, любовью всего народа, а также реконструируемым по спискам «притекающих» милосердием: «ко двору его стекаются и держащеи власти, и строящеи, и правящеи царския, народная; таже и нищии, и убогии, и вдовицы, и слѣпии, и хромии» [9, с. 138] и искренностью в вере: «Таже прииде и самъ царь и з братьи своими, таже и патриархъ, — тогда держа святительский престолъ Великия Росии Ермогенъ, — и митрополиты, и епископы, и архимариты, игумены и протопопы, и весь священный собор, и иноческий чинъ, черноризцы и черноризицы» [9, с. 138–140]. Все эти качества давно укоренились в русской духовно-политической мысли как обязательные для правителя (см., например: [3, с. 115–139, 188–202, 287–303]). Смерть Скопина-Шуйского, хотя и не напрямую, увязывается с кознями царя Василия Шуйского.

Создание «Писания» относят к 1612–1613 гг., однако можно предположить более конкретную дату — это Земский собор 1613 г. Вероятно, очевидец смерти Скопина-Шуйского, наблюдая за избранием новой династии, мог рефлексировать над тем, был бы умерший князь достойным царем. Однако эта версия является лишь предположением и требует дополнительного исследования.

Так или иначе перед первыми Романовыми появился серьезный символический конкурент, которого необходимо было согласовать с официальной точкой зрения на Смуту. Первым подобным текстом можно считать редакцию Хронографа 1617 г. Скопину-Шуйскому в нем посвящена небольшая главка, в которой князь предстает «сродственником» царя Василия Шуйского и гениальным полководцем: «Пастырь бо звѣрогонителенъ бысть и сице врагомъ и всѣмъ мятежникомъ непобѣдимъ, яко и всѣхъ от царствующаго града отгнати сотвори. Бѣ бо во бранехъ лютъ на враги и стремлениемъ зело изкусен, и ратник непобедимъ» [7, с. 548]. Смерть Скопина-Шуйского в изложении Хронографа явилась Божьим наказанием всего русского народа за грехи, а Василий Шуйский, как и родственник, фактически становится жертвой этого греха: «Василию же царю недоумѣвающуся, что сотворити, уже бо и предатели мнози готовляхуся на нь… Мнози бо от доброцвѣтущаго благовѣрия Василия царя, аки мразомъ раздробляеми, отпадоша и в темноту нужныя зимы литовскаго неправовѣрия отпадоша» [7, с. 548].

Таким образом, придворный автор полностью меняет направление критики. Действительно, новая династия на тот момент сама еще находилась в крайне неустойчивом положении — молодой царь Михаил Федорович не имел никакого политического опыта, его отец патриарх Филарет еще находился в польском плену, а погибший в плену Василий Шуйский имел больше формальных прав на престол, чем Романовы. В связи с этим анонимный автор избегает лишний раз затрагивать проблемы легитимности новой династии, но в то же время успешно использует распространенное понимание событий Смуты как наказания за грехи, что не вызывает вопросов у читающей публики и даже находит если не сочувствие, то понимание.

Дальнейшие официальные тексты, в которых затрагивалась жизнь и смерть Скопина-Шуйского, создавались уже после возвращения патриарха Филарета из польского плена. Одним из них стало «Иное сказание», которое, как предполагает Л.Е. Морозова, было создано по заказу патриарха Филарета и «было написано в Троице-Сергиевом монастыре в противовес “Сказанию” Авраамия Палицына» [2, с. 491]. «Иное сказание» представляет собой компиляцию, среди источников которой был и Хронограф 1617 г. Оттуда «Иное сказание» полностью берет рассказ «о мужестве царьского воеводы князя Михаила Шуй-

ского Скопина» [2, с. 564]. Однако автор «Иного сказания» отдельно подчеркивает роль Скопина-Шуйского в борьбе с Лжепетром и Болотниковым: «Бысть беда велика, и много войска погибоша, и смятеся все войско… Аще бы не боярин и воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской да казачей атаман Истома Павлов защищали их, то бы ни един спаслся, но вси бы и до единаго побиты были» [2, с. 561]. Этот рассказ подчеркивает смелость молодого князя, но и допускает неявную критику Василия Шуйского, пославшего на подавление восстания неподготовленное войско с бесталанными воеводами во главе.

Таким образом, постепенно происходит трансформация образа Скопина-Шуйского в официальной историографии — из гениального полководца, который мог спасти Россию, он постепенно, скрытно превращается в оппонента царя Василия Шуйского. Вероятно, Филарет таким образом «нащупывал почву», производил своего рода замер общественного мнения о роли и месте Василия Шуйского в сознании властной верхушки, а также закреплял положение своего сына на троне, выказывая уважение к герою, который уже не мог претендовать на престол.

Легитимизирующая функция Скопина-Шуйского закрепляется в Повести князя И.М. Катырева-Ростовского, созданной в 1625–1626 гг. Важно рассмотреть образ Скопина-Шуйского в двух важнейших редакциях этого произведения — собственно «Повести» и так называемой «Хронике». Л.Е. Морозова вообще разделяет эти две редакции как разные произведения с одним протографом: «“Повесть” была написана родственником Филарета И.М. Катыревым-Ростовским, а “Хроника” — либо И. Хворостиным, либо С. Шаховским, как значится в заключительных виршах — из рода ярославских князей, возможно, по заданию Филарета» [2, с. 584], причем «Хроника», вероятно, была составлена раньше «Повести».

«Хроника» превозносит Скопина-Шуйского — молодой князь одобряет совет царя, а не наоборот: «Михайло совет царев хвалит и наипаче сему быти подтверждает» [2, с. 622], не имеет никаких конфликтов в Новгороде, а принимается там с честью, освобождает во главе русского войска и шведских наемников тверские города от поляков. В Москве «сретоша его, воеводу, вси людие царствующаго града Москвы от мала и до велика и почтиша его честию великою зело, яко ни сам той венец носящий николи же тако почтен бысть. Царь же

Василий наполнися зависти и гнева и не возлюби его за сию бывшую победу, яко и древле Саул завиде незлобивому Давиду, егда поби Голияда… Глаголют бо нецыи, яко отравлен бысть от царя Василия зависти ради, и сего ради живота гонзоша» [2, с. 630–631]. Это первое резкое обвинение Василия Шуйского в отравлении своего родственника, которое было высказано в официальном историческом тексте. Примечательно, что противопоставление Василия и Михаила подкреплено ветхозаветной оппозицией Саул – Давид, что само по себе становится серьезным обвинением Василия Шуйского еще и в беззаконии.

Смягчает рассказ «Повесть Катырева-Ростовского» — Скопин-Шуйский все так же предстает успешным военачальником, любимым в народе, но резкие библейские сравнения исчезают: «Царь же Василей наполнися зависти и не возлюби его за сию бывшую победу. Малу же времени минувшу, разболеся сей храбрый и разсмотрителный воевода князь Михайло и умре» [2, с. 677].

Окончательное превращение Скопина-Шуйского в инструмент для утверждения первыми Романовыми нелегитимности правления царя Василия Шуйского закрепляется в «Новом летописце», созданном в 1630 г. для доказательства прав Романовых на русский престол. Фигура царя Василия просто теряется на фоне известий о деятельности Скопина-Шуйского в Новгороде и тверских землях. Воеводы царя терпят неудачи — Скопин-Шуйский независимо от царя освобождает города и побеждает литовцев и «воров». Скопин-Шуйский предстает благородным человеком: «Чаяху, что онъ подыскиваетъ под царемъ Василіемъ царства; а про то убо и всей земли вѣдомо всѣмъ людем, что у него тово и въ умѣ не было» [8, с. 96]. Впрочем, сглаживается и обвинение в адрес Василия Шуйского. В «Новом летописце» царь, хотя и «мнѣніе на нево нача держати по пріѣздѣ Резанскомъ» [8, с. 96], не убивает молодого родственника, но «говоряху то, что испортила ево тетка ево княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйскова» [8, с. 97]. Заканчивается рассказ о Скопине-Шуйском небольшим рассуждением о том, что «власть даетъ Богъ; кому хощет, тому и даетъ» [8, с. 97].

Скопин-Шуйский в «Новом летописце» становится жертвой трагических обстоятельств, человеческого греха зависти, однако для соблюдения политических приличий (в свете намечающейся войны с Речью Посполитой не признавать Василия Шуйского, умершего в польском плену, настоящим благочестивым царем было бы страте-

гической символической ошибкой) вину перекладывают на родственников царя. Этим Романовы все равно подчеркивали негативную сторону правления своего предшественника, частично лишали его легитимности и укрепляли свое положение на престоле.

После «Нового летописца» официальная историография первых Романовых не вспоминает о Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Так, он вовсе не упоминается в «Истории о царях и великих князьях», созданной в 1669 г. в качестве учебника для царских детей, ни как замечательный полководец, ни как жертва зависти царя Василия Годунова. В условиях укрепления династии Романовых и устранения угрозы со стороны последнего конкурента на русский престол — польского короля Владислава IV — после Поляновского мира 1634 г. говорить о героях Смутного времени не имело никакого смысла, и популярный образ молодого полководца оказался невостребованным.

Таким образом, в самом начале своего правления династия Романовых активно использовала образ Михаила Васильевича Скопина-Шуйского для нескольких политико-символических задач, сменявших друг друга. В начале, выказывая уважение к популярному полководцу, историография помогала объединить его сторонников вокруг новой династии. Затем фигура Скопина-Шуйского постепенно становилась инструментом символической борьбы против непопулярного, но законного царя Василия Шуйского. Острые вопросы биографии Скопина-Шуйского, в частности, его убийство царем, смягчались, так как Василий Шуйский был важен сам по себе как монарх, насильственно свергнутый в пользу польского претендента. После этого Скопин-Шуйский перестает быть интересен придворной историографии, однако сохраняется в народной памяти, а в XIX в. возвращает себе достойное место в исторической политике Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1 *Бендер Д.Г.* Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский в оценках Ивана Тимофеева // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы. Сб. науч. ст. / под ред. А.Н. Грищенко. Новочеркасск: ООО «Лик», 2019. С. 18–22.

2 *Морозова Л.Е.* Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, Киммерийский центр, 2017. 864 с.

3 *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы. Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Вече, 2019. 608 с.

4 *Туфанова О.А.* Древнерусские письменные памятники о Смутном времени как художественный феномен: дис. … д-ра филол. наук. М., 2019. 440 с.

5 *Туфанова О.А.* Повесть о преступлениях царя в составе исторического нарратива «О бедах и скорбех…» // Литература Древней Руси: материалы X Всероссийской конференции «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева, г. Москва, 6–7 декабря 2018 г. / сост. Н.В. Трофимова. М.: МПГУ, 2019. С. 65–77.

Источники

6 *Енин Г.П.* «Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3: (XVII в.), ч. 3: П—С / ред. Д.М. Буланин. С. 36–38.

7 Из Хронографа 1617 года // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. С. 516–561.

8 Новый летописец // Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. XIV. С. 23–154 (перв. паг.).

9 Писание о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 2006. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. С. 134–159.

REFERENCES

1 Bender, D.G. “Kniaz’ Mikhail Vasil’evich Skopin-Shuiskii v otsenkakh Ivana Timofeeva” [“Prince Mikhail Vasilyevich Skopin-Shuisky in the Assessments of Ivan Timofeev”]. Grishchenko, A.N., ed. *Aktual’nye problemy sotsial’noi istorii i sotsial’noi raboty. Sbornik nauchnykh statei* [*Actual Problems of Social History and Social Work. Collection of Scientific Articles*]. Novocherkassk, Lik Publ., 2019, pp. 18–22. (In Russian)

2 Morozova, L.E. *Smuta nachala XVII veka v sochineniiakh sovremennikov* [*The Time of Troubles of the Beginning of the 17th Century in the Contemporaries’ Writings*]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., Kimmeriiskii tsentr Publ., 2017. 864 p. (In Russian)

3 Perevezentsev, S.V. *Russkie smysly. Dukhovno-politicheskie ucheniia Rossii X–XVII vv. v ikh istoricheskom razvitii* [*Russian Meanings. Spiritual and Political Teachings of Russia of the 10th–17th Centuries in Their Historical Development*]. Moscow, Veche Publ., 2019. 608 p. (In Russian)

4 Tufanova, O.A. *Drevnerusskie pis’mennye pamiatniki o Smutnom vremeni kak khudozhestvennyi fenomen*: *dis. d-ra fil. nauk* [*Old Russian Written Artefacts about*

the Time of Troubles as an Artistic Phenomenon. DSc Thesis]. Moscow, 2019. 440 p. (In Russian)

5 Tufanova, O.A. "Povest' o prestupleniiakh tsaria v sostave istoricheskogo narrativa 'O bedakh i skorbekh…'." ["The Tale of the Tsar's Crimes as a Part of Historical Narrative 'About Troubles and Sorrows…'."]. *Literatura Drevnei Rusi: materialy X Vserossiiskoi konferentsii "Drevnerusskaia literatura i ee traditsii v literature Novogo vremeni", posviashchennoi pamiati professora Nikolaia Ivanovicha Prokof'eva, g. Moskva, 6–7 dekabria 2018 g.* [*Literature of Ancient Russia: Materials of the 10th All-Russian Conference "Old Russian Literature and its traditions in the Literature of Modern Times", Dedicated to the Memory of Professor Nikolai Ivanovich Prokofiev, Moscow, December 6-7, 2018*], comp. N.V. Trofimova. Moscow, MPGU Publ., 2019, pp. 65–77. (In Russian)

***

Информация об авторе: Александр Борисович Страхов — кандидат политических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, Ленинские горы, д. 1, ГСП-1, 119991 г. Москва, Россия.

E-mail: falconian@yandex.ru

Information about the author: Alexander B. Strakhov, PhD in Political Sciences, Specialist in Educational and Methodical work, Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory 1, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: falconian@yandex.ru

***

Для цитирования: *Страхов А.Б.* Образ М.В. Скопина-Шуйского в официальной историографии Русского царства XVII в. (историко-политологический аспект) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 459–468. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-459-468

© 2024, А.Б. Страхов

For citation: Strakhov, A.B. "The Image of M.V. Skopin-Shuisky in the Official Historiography of Russian Kingdom of the 17th Century (Historical and Political Aspect)." *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 459–468. (In Russian) https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-459-468

© 2024, Alexander B. Strakhov